

transport, long periods of forensic science expertize, inefficient distribution of criminal cases workload between judges (replacement of a judge due to the illness or vacations causing transfer of the case to some other judge who starts the case anew), lengthy terms of the subordination or jurisdiction dispute issues cannot serve as the grounds to justify too long criminal proceedings.

Букато Л. Г.

**Регламентация предельного общего срока производства
по материалам и уголовному делу как необходимая
процессуальная гарантия**

Bukato L.

**Regulation of the maximum period of criminal proceedings
as a necessary procedural guarantee¹**

The author considers the procedural period as an element of the criminal procedural form. The necessity of legislative regulation of the whole period of the time spent on the materials study and criminal proceedings is discussed. The latter would contribute to an additional guarantee of individual rights in the context of perfecting criminal procedure legislation in the Republic of Belarus. Prolongation of the procedural period of criminal proceedings is suggested.

Автором рассматривается процессуальный срок как элемент уголовно-процессуальной формы. Формулируется тезис о необходимости законодательной регламентации предельного общего срока производства по материалам и уголовным делам ввиду необходимости введения дополнительной гарантии прав личности в условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства Беларуси в части увеличения процессуальных сроков производства.

Процессуальная форма представляет собой совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность. Процессуальная форма сама по себе в целом, как и совокупность ее отдельных элементов, являются процессуальными гарантиями, обеспечивающими достижение цели уголовно-процессуальной деятельности. Представляется необходимым включить в процессуальную форму предельный общий срок производства по материалам и уголовному делу как гарантию, препятствующую необоснованно длительному ограничению в ходе производства по материалам и уголовному делу прав личности.

¹ Тезисы доклада печатаются на русском языке без перевода / The report is published only in Russian/.

К соответствующему выводу можно придти из следующих суждений. В ст. 60 Конституции Республики Беларусь закреплена гарантия защиты прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки, отражен принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон в процессе и установлено, что стороны и лица, в нем участвующие, имеют право на обжалование приговоров и других судебных постановлений (ч. 3 ст. 115) [1]. Эти нормы представляют собой отражение в национальном законодательстве закреплённого в основополагающих международных документах права на справедливое судебное разбирательство. Основы данного права заложены во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 8 и 10) [2, с. 79] и раскрыты в принятом на ее основании Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 14) [2, с. 82], а также закреплены в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 6) и Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. (ст. 6) [2, с. 135–136].

В широком смысле право на справедливое судебное разбирательство не ограничивается исключительно стадиями судебного производства, так как справедливость судебного разбирательства как результат процессуальной деятельности суда (правильность разрешения уголовных дел) или эффективность правосудия зависит от эффективности реализации цели уголовно-процессуальной деятельности на стадиях досудебного производства по материалам и уголовным делам (справедливости предшествующей деятельности), а значит, процедурная последовательность реализации органами, ведущими уголовный процесс, своих «узких» процессуальных задач в итоге слагается в реализацию общей цели процесса [3, с. 27–29]. В данном аспекте Европейский суд по правам человека, трактуя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., указывает, что «Уголовный процесс представляет одно целое <...>»; «Требование справедливости относится к процессу в целом и не ограничивается состязательными слушаниями»; «<...> Государство несет ответственность за все свои структуры, а не только за судебную власть» [4, с. 297, 379, 461].

Анализ норм основополагающих международных документов показывает, что категория (требование) справедливости включает отдельные элементы, наличие которых обязательно в общем случае для ее констатации (гарантии права), в частности, речь идет о гарантии быть судимым без неоправданной задержки или о разумном сроке разбирательства дела (ч. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ч. 1 ст. 6 Конвенции о защи-

те прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.). В Конституции Республики Беларусь используется термин срок, определенный законом (ст. 60).

Процессуальный срок – это момент или период времени, наступление или истечение которого влечет необходимость совершения процессуальных действий или вынесения процессуальных решений. Процессуальные сроки являются процессуальным средством решения такой задачи уголовного процесса, как «необходимость быстрого расследования преступлений». Вместе с тем закрепление процессуального срока является необходимым элементом в системе правовых гарантий личности, ограничивающим «произвол властей» [3, с. 31]. К примеру, ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом, при этом лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или применения меры пресечения. В данном случае особым элементом установленного законом порядка (процессуальной формы) выступает допустимый предельный срок такого ограничения.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) регламентирует общие сроки отдельных этапов производства по материалам и уголовным делам и процессуальных действий в рамках этих этапов, не устанавливая предельных общих сроков производства в рамках всех процессуальных стадий в совокупности. Такая ситуация приводит к отсутствию важной процессуальной гарантии для лиц, находящихся в поле уголовного процесса и претерпевающих в связи с этим ограничение и (или) лишение принадлежащих им наиболее значимых личных прав. Специфика положения таких лиц, кроме того, дополнительно усугубляется и отсутствием четких правовых предписаний относительно течения отдельных процессуальных сроков. К примеру, общий срок предварительного следствия, согласно ч. 1 ст. 190 УПК, составляет два месяца. Данный срок может быть определенно продлен до трех и шести месяцев, а также свыше шести месяцев до неконкретных пределов – «в исключительных случаях Генеральным прокурором Республики Беларусь, Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или их заместителями» (ч. 4 ст. 190 УПК). Еще одним примером нечеткости процессуальных гарантий в данном аспекте является и «размывание» допустимого срока проверки по заявлениям или сообщениям о преступлении (длительность которого уже сама по себе является неоправданно значительной ввиду предполагаемого неотложного характера стадии) за счет введения в УПК Законом Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. «О внесении изменений и дополнений в

Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» института приостановления проверки по заявлению или сообщению о преступлении (ст. 173³ УПК) [5].

Соответствующие изменения в УПК создают правовые условия для увеличения процессуальных сроков производства по материалам и уголовным делам, препятствием чему может стать закрепление в УПК предельного общего срока производства, для чего необходимо фактически и юридически определить моменты начала и окончания уголовного процесса, а также форму законодательной регламентации: установление конкретного срока либо использование оценочных понятий.

Практика Европейского суда по правам человека при определении данного периода исходит из того, что продолжительность уголовного разбирательства начинается с момента, когда лицо становится обвиняемым в смысле Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., а именно: речь может идти и о дате, предшествующей принятию дела к производству судом (в случае лишения свободы, обвинения и др.). В отношении же окончательного срока продолжительности судебная практика уточняет, что речь идет о дате решения, которое было вынесено по существу (как по факту, так и по праву) [4, с. 461] (уголовный процесс «<...> должен обычно заканчиваться решением, вступившим в законную силу» [4, с. 297]).

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации моментом начала уголовного судопроизводства считается момент начала осуществления уголовного преследования, а моментом окончания – момент прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора (ч. 2 ст. 6¹).

Как показывает анализ научных публикаций по данному вопросу, в Республике Беларусь моментом окончания уголовного процесса, как правило, обоснованно признается момент вступления вынесенного судом первой инстанции судебного постановления в законную силу. Представляется, что значимость процессуальной формы обуславливает необходимость при определении начального момента процессуальной деятельности оперирования критерием ограничения прав и свобод, который является специфическим для данного вида человеческой деятельности (в понимании процесса как гарантии прав и свобод граждан, а не публичной власти государства). Вследствие последнего начальным моментом уголовно-процессуальной деятельности следует считать момент проявления в любом виде функции публичной власти государства (применение меры принуждения, принятие органом уголовного преследования заявления или сообщения о преступлении по делу частно-публичного и публичного обвинения, принятие судом заяв-

ления о совершении преступления по делам частного обвинения, проведение проверки и т. п.).

Относительно второй части вопроса видится необходимым проведение анализа правоприменительной деятельности с использованием метода экспертных оценок для соответствующего итогового вывода и предложения формулировки нормативного предписания.

Список использованных источников

1. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г. і 17 кастрычніка 2004 г.). – Мінск : Беларусь, 2006. – 104 с.
2. Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост.: Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – 816 с.
3. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / М. И. Авдеев [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева. – М. : Ин-т государства и права Академии наук СССР, 1975. – 298 с.
4. *Де Сальвиа М.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 1072 с.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 // ЭТАЛЮН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Пест Р.

Уголовный процесс, основанный на верховенстве права, как средство обеспечения запрещения пыток¹ (перевод В. И. Самарина)

Запрещение пыток признается в обычном международном праве (*ius cogens*). В этом контексте предполагается, что запрет применения пыток носит абсолютный характер. Вторичные правила, которые применяются в случае нарушения запрета применения пыток, являются предпосылкой для обеспечения эффективного осуществления этого запрета. Обязанность устранить последствия незаконных действий государства также вытекает из верховенства права. Уголовный процесс, основанный на верховенстве права, может служить для обеспечения запрета применения пыток по-разному. В данной работе оценивается, как исключение доказательств, процессуальный барьер в уголовном процессе и оспоримость решений, основанных на применении пыток, могут помочь обеспечить реализацию запрета на применение пыток. Рассматривается вопрос о том, требуется ли осуществление уголовного преследования против лиц, виновных в применении пыток.

¹ Ссылки на источники приведены только в англоязычной версии тезисов.